

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ М.К. ПЕТРОВА

В.П. МАКАРЕНКО

*доктор философских и политических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины, зав.
кафедрой политической теории Южного федерального университета*

Ареал петрововедения расширяется по мере публикации трудов Михаила Константиновича. Уже существуют трактовки Петрова как культуролога, исследователя проблемы творчества, философа и социолога науки, политического философа, регионоведа и даже как великого продолжателя идеи особой миссии России (см. [2, 3, 4, 7, 19, 24, 38]). Каждое направление анализа порождает специфические проблемы. Например, трактовка Петрова как культуролога предполагает выявление отличия его теории культуры от гегелевской концепции, концепций культуры как диалога, сакральной семиотики, бинарных оппозиций и критики этих популярных «ходов мысли» (см. [15])¹. Поэтому сама реконструкция идей Петрова вписывает их в контекст мировоззренческих и политических дискуссий. Задача данной статьи – расширить пространство полемики.

М.К. Петров сформулировал идею о *несовместимости* социальных структур, науки и государства. Традиционное общество принимает инновации лишь в том случае, если они не разрушают существующие формы технологий. В современных обществах появление любой новой научной связи между частями социального организма порождает возможные технологии и отрицает наличную определенность. Функция науки – *генерирование нестабильности во все элементы социальной структуры*. Однако функционирование социальных организмов обнаруживает глубочайшую иронию истории.

Например, государство финансирует науку, а с нею и нестабильность. Государство стало «орудием организованной дезорганизации», с которой оно же само борется. Общество воспитывает человека в традиции нерассуждающего уважения к должности: «Бессмертная социальная структура мыслится «социоценозом», штатным расписанием бессмертных должностей, а свобода человека становится в этом случае осознанной необходимостью выбора одной из наличных должностей, сознательного уподобления-соответствия должности» [26, с. 207]. Социальные структуры – это противоречивые, неустойчивые и неповторимые моменты определенности. Надо изучать центробежные силы, которые не дают обществу застыть, вызывают движение социальной неопределенности, и критически оценить субстрат этого движения.

Петров обосновал следующие постулаты модели нестабильности: отрицание стабильности; учет революционного характера социально-экономических трансформаций; отрицание стихийных проявлений нестабильности; объяснение смысла и генезиса основных постулатов научного мышления. Одновременно он предсказывал: «Чтобы раз и навсегда избавиться от нестабильности, достаточно сократить финансирование науки и подготовку кадров. К тому же результату может привести и требование тесной связи с производством, участия науки в рационализации существующих технологий. В современном мире оба направления были бы формами самоубийства по неведению» [26, с. 209]. Я кратко рассмотрю предпосылки суицида.

¹ Такая критика уже идет. См.: [29, с. 16–18].

Диагноз предпосылок суцида

На протяжении 1990-х гг. стал типичным взгляд: реформы поставили науку в России в тяжелое положение. Петров ставит вопрос совершенно иначе. Наука – это глобальное когнитивно-социальное предприятие взрослых людей. В нем заняты люди любых наций на основе образовательного ценза. Но в конце XX в. полтора десятка стран (четверть населения земли) дают 95% мирового научного продукта. Одновременно научные сообщества всех стран обладают монополией на подготовку учебников, учителей и преподавателей для систем образования [27, с. 19, 99–100]. Отсюда вытекает множество острых и нерешенных ни одним государством мира проблем.

Прежде всего это конфликт наследственной профессии и научной дисциплины. Наследственная профессия транслирует деревенский (общинный) способ социального устройства, при котором основным каналом трансляции являются семья и семейный контакт поколений. Этот канал несовместим с научной формой познания мира. По причине живучести традиции наука пока не победила наследственный профессионализм. При его сохранении наука невозможна. Культурная несовместимость – это мера влияния наследственного профессионализма на научную деятельность [27, с. 26–32].

Следующая проблема – трансляция религии (теологии) посредством науки. Никейский собор в 325 г. запретил иерархическую интерпретацию бога, но не запретил прорастания принципа иерархии в другие области. Целибат исключил семью из воспроизводства знания, создал модель грамотности, текста и отношение «учитель-ученик». Но Бог-отец в этой схеме оставался абсолют. Поэтому ряд элементов научной деятельности (вера в абсолют, авторитет, порядок, неисчерпаемость нового, запрет противоречия) транслируют элементы теологии (иерархия-импето-инерция-взаимодействие, внешнее управление-свойство, личное божественное участие-предопределение-вечность-законы природы). Эти идеи сыграли особую роль в появлении науки. Но под лозунгом очищения от язычества и ради создания истинно христианской церкви, философии, науки, образования, государства разрушали иерархию. Поэтому идея о «правильности» мышления по единому образцу – духовный провинциализм. Его берут на вооружение любители поговорить о достоинствах и недостатках рас и наций. Установка на исключение вариантности мышления порождает множество форм знакового фетишизма – от фигуры бога через построения по комплексу Архимеда до утопий и антиутопий, которые транслируют идею «естественной социальности» муравейника (роя). На деле человек – социализированная муха и таракан [27, с. 39–46, 83–86, 89–96, 51–53].

Наиболее острая проблема – привязка научной деятельности к конкретному времени и обстоятельствам. Для критики этого феномена Петров разделял науку и «паранауку», которая порождает и транслирует следующие барьеры познания:

Официальные собрания, совещания, обсуждения, митинги, СМИ, государственные органы по управлению наукой и образованием, ученые советы, редакции, институты научной информации. Все они работают на уровне компетенции выпускников школы. Занимаются рутинным распределением ассигнований на науку. Ищут среди членов научного сообщества потенциальных авторов учебников. Убеждены в том, что истину можно и нужно голосовать. Но уровень компетентности общего собрания АН и прочих официальных структур не выше уровня любой группы взрослых, не имеющих никакого отношения к науке. Деятельность указанных структур – чистый произвол. Он воплощает атрибут всеведения и является реликтом теологии.

Представление о личности (инстанции), обладающей атрибутами всеведения, всемогущества, всеблагости. Наука как высший авторитет сохраняет все атрибуты бога, является реальным, действенным, актуальным, развивающимся во времени агентом феноменом универсальной глобальной науки [27, с. 98, 110–111, 113–115].

Стремление индивидов к абсолютному всеведению выражается в научном знаковом фетишизме. Все знаковые реалии научного знания не обладают способностью к само-дви-

жению, изменению, развитию, сознанию, рефлексии, определению, выражению и т.д. На этот фетишизм накладываются все существующие языки (около 3 тысяч). По ходу ментального движения в мире национальных знаковых систем взрослеющие индивиды получают образование. Они убеждены, что умнеют и приближаются к абсолюту всеведения. Но любая группа сверстников разобщена, идет в разные стороны сообразно с действующей социальной номенклатурой взрослой деятельности [27, с. 119–121].

Система образования – это способ контроля духовной и культурной жизни общества. Через учебники происходит обожествление и фетишизация Истории, Логики, Природы, Реальности и т.д. Этим понятиям приписываются свойства бога или независимой от человека закономерности. Учебники воплощают ментальную ограниченность человека как естественного, социального, разумного существа. Решения об их издании (переиздании) принимаются под давлением множества рациональных и иррациональных факторов [27, с. 118].

Укрепление репродуктивных структур. Основной поток научного продукта прямо не направляется на предмет приложений (технология, управление, организация, медицина, оборона). Через систему образования новое знание направляется на повышение качества репродуктивных структур. Они противоположны непредсказуемому миру свободной миграции, коммуникации и концентрации таланта в мире открытий и проблем [27, с. 124–125].

Активность ученого побуждается набором человеческих страстей, стремлений, склонностей и предпочтений. Согласно Р.Мертону, в научном сообществе существует четыре роли: исследователь, преподаватель, администратор, привратник. Роль исследователя является центральной, поскольку она отвечает за рост научного знания. Героями науки становятся по способности быть исследователем. Отличие науки от других областей деятельности – акцент на продуктивность. Она измеряется числом опубликованных работ и интенсивностью их цитирования в более поздних публикациях. На деле новобранцы науки строят карьеру для движения по иерархиям чинов, степеней и званий в соответствии со стажем работы [27, с. 130–131].

Тезаурусно-динамический коллективизм отличается непреднамеренностью, отсутствием организации и стремления к изоляции. Но в формальных академических структурах редко возможен тезаурусно-динамический коллективизм. Поэтому они перестают быть научными [27, с. 137–139].

В результате действия указанных социально-политических и религиозно-научных феноменов потерял единый мир открытий, наука разведена по национальным и региональным клеткам. Все перечисленные феномены теоретически несостоятельны. Государства – главные агенты научно-технической контрреволюции, поскольку заставляют науку обслуживать свои цели и защищают общество от ее обновляющего воздействия [25, с. 20–62].

В XX в. господствовала экстенсивная модель онаучивания общества, которая сформировала несколько угроз: стремление ликвидировать науку как наднациональный феномен ради краткосрочных выгод; моноглолизм; протекционизм; научный шпионаж и секретность; лишение новобранцев науки доступа к интернациональному потоку публикаций; вытеснение из системы всеобщего образования классических (греческий, латынь) и четырех великих языков науки (английский, русский, немецкий, французский); насаждение учебников в школьные и вузовские программы [27, с. 142–144]. В итоге возникла глобальная опасность ментального расподобления человечества. В учебниках постоянно снижается представительство глобальной науки. В школе и вузе законодателями мод стали бездари. Ленивые и тихиходы воспитывают характер будущих взрослых. Ментальная лень стала нормой жизни. Способность мыслить превращается из радостной нормы человеческого существования в беспросветную муку. Бездари стали влиятельной социальной группой, определяющей темп академического движения и стиль жизни в развитом обществе. Это совпадает с влиянием алкоголизма и наркомании на социальную жизнь.

Государство предпочитает местный патриотизм глобальному космополитизму и усиливает все перечисленные свойства. Деятельность политико-административных инстанций всех развитых стран не зависит от глобального феномена науки и теоретических соображений. Она зависит от эмпирически сложившейся традиции сопряжения естественного взросления индивидов с академическим их движением в терминах взрослой деятельности [27, с. 142–158, 166].

Указанные тенденции создают сильнейшую инерцию и самоубийственны для человечества. Более столетия наука подпиливает сук, на котором сидит. Глобальный феномен науки рано или поздно исчезнет по причине моноглобализма и уступит место множеству национальных и региональных «поднаук». В условиях срыва взаимопонимания между поколениями онаученных взрослых примерно 50 лет придется идти в параакадемическом вакууме, без права и возможности обратиться за разъяснением трудных мест к первому встречному старшему [27, с. 214].

Подтверждаются ли идеи Петрова конкретными исследованиями?

Трагедия науки и сдвиг ракурса

На вопрос можно ответить положительно. Петербургские ученые использовали идеи Петрова для создания социальной истории науки и описания национальных моделей связи науки с религией и государством [23]. Здесь я рассмотрю лишь некоторые результаты анализа английской, французской и российской модели взаимосвязи науки и государства (см. об этом подробно: [11, с. 98–116]).

Английская модель отличается следующими основными свойствами: переплетение натурфилософского и теологического дискурса; поиск идеологически безопасных доктрин для преодоления религиозно-политических раздоров; формирование в лоне европейской интеллектуальной революции, но развитие в формах, неадекватных ее сути; имперские амбиции – переплетение процесса расширения границ империи с развитием натурфилософии; ксенофобия – враждебное отношение к другим культурам; плагиат у иностранцев.

На этой основе Royal Society создало риторику служения общему благу – главную стратегию диалога с властью: «Стратегия была не нова, но эффективна: обещать властям очередное Эльдорадо, будь то новые технологии, новое оружие или новые земли, а потом в качестве отчета о проделанной нечеловеческой работе преподнести изумленному патрону какую-нибудь «Историю рыб» или на худой конец «Математические начала натуральной философии» [23, с. 120]. Победа английской science обернулась фактическим поражением науки.

Французская модель сотрудничества ученых с властью лежит в основе авторитарной научно-технической политики и включает следующие элементы: идеал науки как деполитизированной профессиональной деятельности по получению нового знания; выбор элитарно-иерархической (а не демократической) модели образования; переплетение структуры образования с социальной стратификацией; милитаризация образования – обслуживание военно-технических потребностей государства; монополия привилегированных вузов на подготовку гражданской и военной бюрократии; введение экзаменов – мнимо-объективных критериев приема в вузы; превращение поступления в вузы в частное дело.

Самое негативное свойство такой системы – тройная (социальная, профессиональная и образовательная) иерархия. В итоге социальное положение индивида не определяется его способностями и заслугами. Эта система затрудняет движение по социальной лестнице, культивирует бездарность на всех иерархиях и уровнях и существует до сих пор.

Французская ученость отличается следующими свойствами: тесная связь с властью; выплата жалованья за научную работу – разновидность асимметричного общественного договора; приукрашивание властных подачек ученым; выбор диктатора в

ученые (Наполеон стал членом Института по секции механики) для одобрения его колонизационных заслуг; культивирование суррогатов науки с целью доказать полезность и незаменимость главной научной конторы; разгон моральных и политических наук и презрительная квалификация их представителей как идеологов.

Французская модель показывает: если наука зависит от власти, то разгон академий – нормальное явление; ученые могут обходиться без политической свободы, но без личной и профессиональной свободы наука хиреет; военные потребности и национальные амбиции – самые мощные факторы развития науки; в ситуации кризиса единственный путь спасения – развитие научных исследований в вузах при усилении в них роли фундаментального естественнонаучного образования; серьезная угроза науке возникает при исчезновении в стране конкурентно-коммуникативной научной среды, с людскими, материальными и информационными ресурсами.

Наконец, российская модель определяется первичными свойствами российского научного сообщества: наука есть государева служба; ученые обслуживают процессы усиления и централизации государства и должны постоянно доказывать отсутствие связи между развитием науки и смутами; наука есть знание под руководством и охраной власти; российская наука – копия прусской модели, в которой наука контролировалась властью, но переплелась с буржуазной идеологией Европы. На основе указанных свойств в России возник и развивался разрыв гражданского и профессионального статуса ученых – признание науки источником экономического и военного могущества усиливало подозрение к ней. Российская профессура вышла на передний край политической борьбы, но одновременно состояла в высших слоях бюрократии².

В целом социальные и политические кризисы до сих пор оборачивались трагедией науки. При создании науки снизу (Англия) трагедия приобретает следующий вид. Творцы Royal Society не виновны в идее независимости ученых от государства. Отсутствие финансирования они восприняли как угрозу нищеты и невыполнения великой задачи постижения природы. Верили, что добровольцы науки дополнят усилия профессионалов, и отвергали профессионализацию науки. Но ради денег пожертвовали независимостью, добровольно начали обслуживать военные ведомства. Сформулировали идею пересмотра всех книг для сбора всех сведений о всех природных явлениях. Эта идея базировалась на вере: контора обязана проявлять инициативу. На деле попытка сбора всей информации влекла угрозу гибели под грудой бесполезных сведений. Возникла проблема отбора и программ исследования. Из-за громадности задач и отсутствия жалования пришлось принимать в Общество богатых дилетантов и любителей, что постоянно снижало его уровень.

При создании науки сверху (Франция, Германия, Россия) ситуация меняется. Французская революция выдвинула лозунг Республике ученые не нужны, ликвидировала АН как гнездо контрреволюции, бесполезное сборище современных шарлатанов. Эта мера оправдана, поскольку большинство научных открытий сделаны людьми, не состоявшими в академиях. Однако в противовес ценностям истины и свободы революция сформулировала идеал утилитарно-конформистской науки, идеологически лояльной к режиму и ориентирующейся на утилизацию научных результатов в промышленности. Преподавание поручалось тем, кто доказал способность к исследованиям. Такая социальная ориентация науки выражалась в лозунгах прогресса и пользы.

Итак, все модели определяются историей, условиями появления, типом руководства, структуры, состава, отношений науки с властью. В дальнейшем развитии национальные АН сохраняли врожденные свойства - общие характеристики отношения науки и власти: «Научное сообщество должно было адаптироваться к господствующим в верхах и обществе умонастроениям, оформляя свои доктрины в приемлемой для них

² Вот один из множества примеров стремления попасть в бюрократию: «Отвратительный Семевский подличает, чтобы я представил его к ленте за то, что он привел в порядок несколько дел, относящихся к трудам Государственного совета по освобождению крестьян. Карпов, московский ученый, за издание двух томов сборника о сношениях России в XVI в. с Англией и татарами требует назначения в члены Совета по делам печати. Замечательно бескорыстие русских ученых» [28, с. 80].

форме и доказывая свою практическую пользу. При этом мощнейшими факторами развития науки были военные потребности государства и национальные амбиции» [23, с. 344]. Эти факторы и являются основанием научно-технической контрреволюции.

Идеи Петрова и конкретный анализ национальных моделей связи между наукой и властью позволяют собрать урожай актуальных проблем для дискуссии: материальные и властные интересы индивидов есть козни дьявола; так называемые точные науки и математика базируются на религии и в наибольшей степени являются холуями власти; вся традиция Гоббса подлежит переоценке в контексте социальной истории науки; связь мировоззренческого согласия и социального порядка дискуссионна; связь ученых и политиков подозрительна по определению; центр научных и политических дискуссий и действий надо сместить к проблеме разрыва единства народа и главарей, науки и власти; государственные интересы (*raison d'état*) не позволяют адекватно описать отношение науки и власти; авторитарная научно-техническая политика и система образования нуждается в пересмотре; выплата жалования ученым должна рассматриваться в контексте полемики между трактовкой и практическим воплощением общественного договора как передачи власти (традиция Гоббса) и как ее ссужения займы (традиция Локка) и права на сопротивление; традиционная квалификация представителей общественных наук как идеологов (от Наполеона и Маркса до современности) требует пересмотра; научная служба государству – разновидность военного наемничества; ссылка ученых на свободу нередко маскирует бездарность и безделье; научная продуктивность провинции и политическая активность центра воспроизводят связь науки и власти; демократическое и националистическое крыло политической мысли – продукт участия ученых в политике; практическое значение науки есть продукт совместной (научной и политической) риторики и демагогии, поскольку не учитываются реальные проблемы социальной истории науки.

Таким образом, современная наука есть воплощение английских колониально-имперских, французских революционно-бюрократических (техно-якобинских) и российских самодержавно-бюрократических интересов и амбиций власти и ученых. Отсюда вытекает вопрос: как взаимодействовали указанные модели в социальной истории советской науки?

Комплекс служения государству: холопы и космисты

В русской революции совершенно определенно проявилась и до сих пор существует техно-якобинская тенденция связи науки и власти (см. об этом подробно: [16]). Приведу лишь один пример: только в 2000 г. ВЦИОМ зарегистрировал феноменальный факт общественного сознания – интересы отдельных граждан самими этими гражданами были признаны более важными, чем интересы государства (в соотношении 46% против 40% по репрезентативной национальной выборке) (см. [9, с. 630]). Все параметры существования российского общества до и после 1917 г. перетягивали социологические весы в противоположную сторону. И наука (прежде всего естествознание) здесь остается куда больше пудовой гири.

Кратко напомним ее франко-русские (техно-якобинские) константы: правые и черносотенные элементы всегда охотно сотрудничают с любой властью, если она воспроизводит тождество правительства и государства, а также приоритет государства над обществом; правые и черносотенцы обычно сосредоточены в военно-полициеских структурах, сотрудничество с которыми характерно прежде всего для математиков и естественников; в периоды социальных потрясений ученые пренебрегают профессиональными интересами ради выживания и создают учебные и научные учреждения, не брезгуя зачислять в них родственников.

Между тем науковедческие исследования распределения доли талантливых людей среди разных групп населения показали: эта доля примерно одинакова и не за-

висит от социального и профессионального статуса предков. А поскольку научное сообщество воспроизводит кровно-родственные связи в своей среде, оно само способствует собственной деградации. Феномены политической благонадежности, патронажа и политической риторики косвенно обслуживают эти связи.

В чем же тогда российская специфика указанных процессов? Э.И.Колчинский описал цепь социально-психологических феноменов в отношениях между наукой и советской властью в период ее становления: «грызня за кость – общая вера ученых и власти в науку как средство прогресса – эта вера связывает науку и власть – брак по расчету – коменсализм (совместное поглощение еды и питья за банкетными столами)³ – симбиоз науки и власти». Но Э.И. Колчинский трактует этот процесс как обмен комплекса служения народу на комплекс служения государству при господстве комплекса Эдипа (извечные антиавторитарные и иконоборческие установки молодого поколения). В этом случае социально-исторические процессы подгоняются под фрейдистскую концепцию. Между тем на основе идей Петрова возможно другое объяснение комплекса служения государству.

Р.Хелли показал, что сложившиеся в России XV–XVII вв. отношения холопства – частный случай универсального феномена рабства, который был воспроизведен в социальной истории СССР среди государственных служащих (см. [36]). Научная среда в целом воспроизводит типичные свойства холопов (разногласия, конфликты, карьеризм, трусость, личные амбиции, зависть, беспринципность и пр.). Но в период установления новой власти эти свойства переплетаются с борьбой за лидерство в научных дисциплинах. И вполне могут показаться «объективными» характеристиками науки.

Короче говоря, ученые-естественники – первые и главные государственные холопы. Они готовы принять любую власть и идеологию ради пайка, приверженности к старым теориям, институционализации своих исследований. А симбиоз науки и советской власти можно рассматривать как светское издание традиционной для России симфонии церкви и власти, поскольку то и другое (симфония и симбиоз) обосновывают холопство в сфере мировоззрения. Поэтому моя жена называет большинство нынешнего российского научного сообщества «злбными побирушками».

По крайней мере, причины воспроизводства комплекса служения государству сложнее фрейдовского толкования. Ученый (особенно русский) всегда стоит перед выбором: быть или не быть холопом? Показательным примером может служить поведение В.И.Вернадского. Оно детально описано Э.И.Колчинским. Я только расставляю акценты.

Так, сразу после революции В.И.Вернадский считал ее причиной тысячелетнее разобщение русского народа и власти. Одновременно полагая, что наука всегда «служила народу». В этом случае сциентистские установки переплетались с традиционным народничеством и идеологией «Вех».

При организации Украинской АН В.И.Вернадский полагал: на Украине зарождается ячейка научной организации всей Восточной Европы, включая славянские территории в Германии и Австро-Венгрии. Тем самым он повторял зады чешского, русского, польского и украинского славянофильства (см. [31, 32]).

При переходе к НЭПу Вернадский заговорил об укреплении власти ради создания условий для развития науки. Надеялся, что большевики обеспечат территориальную целостность страны: «Я думаю, интересы и спасение России сейчас в победе большевиков на Западе и в Азии» (цит. по: [23, с. 442]). Теперь он называл народ пьяными свиньями, невежественными, дикими, пьяными каннибалами, ленивыми, невежественными животными, которых обуздать можно только жесточайшим насилием. В этих суждениях нетрудно обнаружить влияние Л.Д.Троцкого, З.Гиппиус, Д.Мережковского и евразийцев.

³ Между прочим, М.Вебер и этнографы показали, что коменсализм – признак традиционного общества. А мой личный опыт участия в кавказских и научных застольях позволяет согласиться с Вебером.

В.И.Вернадский характеризовал послереволюционное общество как «смесь всех отрицательных сторон капитализма (спекуляция, хищничество, шакализм, контрасты голода и роскоши и т.п.) без его положительных организационно-производственных функций и всех отрицательных сторон деспотического коммунизма (тирания, опека, бесправность, подавление стимулов к труду и т.д.) без его положительных сторон (уничтожение неравенства, эксплуатации и т.д.)» [23, с. 443]. Достаточно перечитать труды В.И.Ленина в период перехода к НЭПу, чтобы убедиться в тождестве позиций великого естествоиспытателя и пролетарского вождя.

При проведении юбилея Академии наук в 1925 г. Вернадский сразу изменил позицию. Раньше он ругал народ. Теперь считал юбилей национально-народной оценкой научной работы и отражением связи ученых с народом. Но ведь на всем протяжении гражданской войны как раз народ крошил «интеллигузию»! Угодничество ученого перед властью бьет в глаза.

В период сталинского перелома (начало 1930-х гг.) Вернадский уверовал: «Будущее и власть в нем ... будет принадлежать людям науки... Впереди время науки - царство диктаторов-ученых» [23, с. 601]. Но соединение науки с диктатурой – признак радикального политического мышления и практики (см. [5]).

Вернадский поддерживал лозунг о преобразовании СССР в мировой научный центр. По мере превращения СССР в преемника идеологии Российской империи Сталин выступает в его дневниках как «настоящий государственный деятель». Вернадский одобрял сталинских палачей. Усматривал в их действиях не садизм, а моральную чистоту главы инквизиции Т.Торквемады. Теперь он боялся того, что внешние силы попытаются разрушить коммунистическое русское по существу государство. В годы террора расцвела «научная империя» Вернадского: он числился в трех отделениях одновременно. В разгар репрессий (1938 г.) Вернадский пишет о созвучии идеи ноосферы научному социализму Маркса и Энгельса. И оценивает Октябрьскую революцию как геологическое событие, ознаменовавшее «начало перехода к государственному строю сознательного воплощения ноосферы» [23, с. 739–740].

В конце жизни Вернадский рассматривал советский режим как решающий этап в переходе от стихийной эволюции биосферы к ноосфере - рациональному устройству общества и его взаимоотношений с окружающей средой на базе научных представлений. Его взгляды не отличались от взглядов его западных коллег, усматривающих в науке основной источник социально-экономического прогресса.

Наконец, характерно мнение Вернадского о причинах перерождения советской власти: «Власть развратила верхушку коммунистов, которым теперь нет дела ни до каких идей» [23, с. 443]. Социолог П.А.Сорокин объяснял пренебрежение к идеям иначе: «Усиленная семитизация государственно-партийного аппарата резко изменила расово-этнографический состав «командующего класса» [23, с. 450]. Кто же больше деформирует идеи – власть или расы-этноты? На этот вопрос нет окончательного ответа, хотя до сих пор он порождает «бурный поток» литературы... В ней обычно упускается из виду, что оба способа рассуждения держатся на молчаливой посылке: в период прихода к власти все (большинство) ее представителей отличаются высокой идейностью. Эта посылка ложная.

Для доказательства ее ложности вначале приведу мнение корифея русской охраны: «Мучеников» за марксистскую, как и за «эсеровскую», веру было, конечно, достаточно в истории русского революционного движения. Было, однако, и немало количество бедняг, которым мученичество не улыбалось. Все эти последние и заполнили ряды секретных сотрудников охранных отделений». При этом большинство бандитских групп прикрывались «для революционного фасона» максималистскими требованиями разных политических партий. Для всех было характерно крайне поверхностное знакомство с разными «теориями» революционного учения. Оно их интересовало только как мотив очередного «экса» [18, с. 153-155].

Теперь послушаем авторитетного английского историка спецслужб: ради идей-

ного истощения любого движения противник (он может быть как внутри, так и вне страны) обычно разжигает внутреннюю борьбу за власть (см. [17, с. 77]).

Значит, служебное отношение к идеям и теориям не ограничивается марксизмом и этносами. Оно характерно для всех групп претендентов на власть (в период борьбы за нее) и для властно-управленческого аппарата (после прихода к власти). Степень взаимосвязи в деятельности данных групп материальных, уголовных и властно-политических мотивов до сих пор представляет острую проблему, которая всегда стоит за спиной любого (государственного, институционального, группового) реального и мнимого терроризма. Степень идейного истощения любого движения, партии, государства под влиянием внутренней борьбы за власть пока не изучена, зато с ее следствиями можно встретиться на каждом шагу.

Между прочим, неoinституционализм (Д.Норт), методология социогуманитарного знания (И.Берлин), историческая социология (А.Хиршман) полагает идеи (убеждения) не менее конституирующими для социального бытия, чем материальные и властные интересы. Не власть и не этносы способствуют коррозии идей, а институты. В свою очередь, выведение идеологии из определенных этносов (как это делал Л. Гумилев и его эпигоны) затушевывает проблему (см. [33, с. 3–53]).

Итак, позиция выдающегося ученого всегда зависела от изменения конъюнктуры, чтения модной публицистики и газет. Лучше бы он их не читал. Сциентистские (наука все наладит) и прочие иллюзии и тривиальные истины прикрывали политический оппортунизм и завершились апологетикой самого кровавого режима XX века. Примерно такой же была позиция И.П.Павлова, дискуссия вокруг наследия которого продолжается (см. [6]). В.И.Вернадский остается «священной коровой». А русский космизм в 1990-е гг. приобрел ранг интеллектуальной моды. Между тем в развитие идей Петрова о натурфилософии как тренажере научной дисциплинарности и на основании труда петербургских ученых можно выдвинуть гипотезу: русский космизм XIX–XX вв. (в том числе концепция Вернадского) – это разновидность европейской натурфилософии XVII в. со всеми вытекающими из нее социально-политическими коннотациями, включая колониально-имперскую модель связи науки и государства. Подобно европейской натурфилософии, русский космизм готовил мировоззренческую почву для перехода советской науки к английской колониально-имперской модели. Но одновременно выводил российское холопство перед властью из космоса. Думаю, объяснение космизма в контексте «служения государству» и истощения идей представляет интерес, особенно с учетом современной реанимации идеи империи. Фундамент для поиска в этом направлении уже заложен.

Предметы раздумья

Россия – лакмусовая бумага для показа прямой зависимости науки от власти. Дореволюционная Россия – пример одновременной плодотворности и пагубности сотрудничества науки и власти в условиях абсолютизма. Тогда как идеология особенности советской науки обусловила вмешательство партгосаппарата в организацию и функционирование научного сообщества. Более 60 лет АН не конфликтовала с властью. Но она представляла собой «...амальгаму, где соотношение дореволюционных структур и уровень партийности, внешне контролируемых властями, фактически были результатом негласной договоренности между выдающимися учеными и ставленниками властей» [23, с. 664].

Тем самым российско-советская модель угрожает науке и государству одновременно: «Иерархическая, централизованная и монополизированная система советской науки вообще и Академии наук в частности порождала бешеную конкуренцию и беспощадное столкновение научных групп в борьбе за ключевые позиции в системе. Лысенковщина, как и все последовавшие политические кампании 1940-х гг., была результатом борьбы за власть в науке, в которой почти с неизбежностью терпе-

ла поражение сама наука. Последствия оказывались тяжелыми потому, что в системе практически не было «резерваций» для выживания идей и ученых, не согласных с признанными теориями, – система была в существенной степени иерархична, однородна и прозрачна для политического контроля. Выходом из этого организационного тупика становилось экстенсивное развитие науки: умножение числа научных институтов и беспрецедентный рост научных кадров. Расширение географии научных учреждений, создание баз и филиалов создавали условия для миграции «научных диссидентов» и их выживания вдали от сотрясавших столицы политических кампаний. Но подобный выход, как правило, был временным, так как карательные органы были вовлечены в конкуренцию в научном сообществе и помогали выискивать и наказывать носителей научной ереси» [23, с. 767–768].

В целом наука страдает без помощи государства, но гибнет в его объятиях. В периоды революции новая власть реформирует науку следующими способами: избавляется от неугодных и привлекает на свою сторону ученых, которые нужны по политическим и практическим соображениям; воспитывает социально близких ученых; сокращает (разгоняет) неугодные и создает новые институты; формирует «идеологически корректную» науку, отличающуюся от мировой. При таких условиях многие ученые стараются перебежать из одной страны в другую.

Власть особенно податлива на обещания ученых создать новые технологии и оружие, обеспечить захват и освоение новых территорий, рост военного могущества, международного влияния, финансово-экономическое процветание, разрешение социально-политических конфликтов, успокоение общества. Поскольку ученые выполняют эти задачи, они становятся государственными холопами. Поэтому в настоящее время крайне обострилась проблема: почему даже первоклассные ученые охотно сотрудничали с тоталитарными режимами и поддерживали псевдонаучные процессы?

Универсального ответа на вопрос нет. Вместо ответа Э.И. Колчинский предлагает заменить понятие тоталитаризма концептом модернизации: ученые сотрудничают с любыми режимами ради модернизации. В демократических странах ученые тоже подвергаются идеологическому и политическому давлению. Во всех странах наука стала частью ВПК⁴.

В конечном счете научная политика государства и поведение научного сообщества определяются технократией и утилитарными соображениями. Институциональные инновации – ответ на профессиональное, экономическое и политическое давление. Но социальные факторы никогда не играли ведущей роли в определении содержания научных исследований. Даже крайне идеологизированная эволюционная теория развивалась одинаково при социализме, фашизме и либерализме. Фактически ученые при любых режимах служат власти. Поэтому нет различия в поведении ученых при коммунизме, фашизме, либерализме – таков вердикт невинских ученых [23, с. 998–1000].

Как донской коллега и бывший студент Михаила Константиновича предлагаю иные предметы раздумья. Советское прошлое еще не стало реликтом и не превратилось в «чужую страну» (см. [10]). Капитальный труд петербургских ученых содержит громадный материал для вывода: советская организация науки – это практическое воплощение революционно-бюрократической (Франция) и колониально-имперской (Англия) модели в процессе воспроизводства самодержавно-бюрократической (Россия) модели отношения между наукой и властью в условиях советской власти. Все элементы этих моделей являются фоном сегодняшних дискуссий, актуальными политическими и теоретическими проблемами.

⁴ С этой точки зрения нет различия между СССР, Германией и США. Биологическое сообщество Германии приняло основные элементы идеологии нацизма: народность, расизм, антисемитизм, милитаризм, пангерманизм, вождизм. Люди интеллектуальных профессий в НСДАП превосходили все остальные социальные группы. Среди биологов в НСДАП состояло 57,6, в СА – 22,5, в СС – 5,6%. Накануне краха СССР более 70% членов АН состояло в компартии. «Дело Оппенгеймера» не удержало ученых США от обслуживания военных ведомств.

Бегло укажу некоторые: политизация научных дискуссий; пересмотр всех научных теорий на предмет их соответствия идеологии; культивирование предательства среди научной молодежи и шпионажа среди всего научного сообщества; выполнение чужих замыслов и появление научных вождей; культивирование изоляционизма и ксенофобии с помощью историографии; концепт осажденной крепости (идеи государственности, государственного патриотизма, национализма, самодостаточности, милитаризации науки); потеря права на свободу творчества; окончательное отделение науки от народа и превращение ее в часть государственной машины. Можно ли изменить сложившиеся поведенческие и психологические стереотипы ученых?

Горизонт возможных теоретических и политических дебатов обозначен. Например, в литературе господствует пиетет перед генетикой и обвинение власти за ее разгром (см. [1])⁵. Э.И.Колчинский формулирует противоположный вывод: научное сообщество генетиков и биологов первым способствовало политизации биологических дискуссий и использовало изменение конъюнктуры в период войны ради усиления своих позиций в государственной машине. Еще неизвестно, какое бы оружие изобрели генетики, если бы их выпустили из клетки. Тот факт, что военные помогли уцелеть кибернетике – двусмысленный комплимент «кибениматикам» (так мой друг соединяет кибернетиков с математиками).

Отсюда не следует, что я призываю реабилитировать Трофима Денисовича Лысенко. Как говорила моя первая учительница (а она закончила дореволюционную гимназию) – «обое рябое». С точки зрения социальной истории науки генетики стоят мичуринцев и наоборот. Этот вывод противоречит целой тенденции издательской политики, книжного рынка и научных исследований. Я имею в виду романы Д.Гранина, воспоминания Тимофеева-Ресовского, книжки В.Сойфера и С.Шнолля, трактаты академиков Дубинина и Кудрявцева и пр. Есть повод подискутировать. Ведь генная инженерия уже стала основой современной социальной сегрегации (см. [39]).

Давно известно также неокантианское различие на науки о природе и науки о культуре. Значительно важнее его социально-политическая коннотация: раскол научного сообщества на естественников и гуманитариев объясняется конкуренцией указанных групп за покровительство власти и господствующее положение в системе организации науки. При этом надо учитывать: после переезда АН из Ленинграда в Москву провинциальная московская культура стала и до сих пор является доминирующей; раскол между академией наук и вузами, центром и провинцией, Ленинградом и Москвой способствовал воспроизводству указанной конкуренции. Драма в том, что Ленинград стал фактической столицей ВПК.

Зато практика написания научными руководителями дипломов и диссертаций студентам и прочим клиентам из властных структур, похоже, становится универсальным теневым заработком. Но ее корни вполне советские и даже чекистские, поскольку формировались на вершине власти. Приведу два свидетельства

Мой старый друг-москвич в 1960 г. познакомил меня со старшей сестрой. Она была вынуждена продать уже написанную докторскую диссертацию ради покупки дачи в подмосковной Валентиновке. Я не очень-то верил другу, хотя на даче мы с ним выпили не одно ведро вина.

Теперь не пью, а читаю книги... Сын Л.П. Берия, Серго Берия, работал в КБ «Алмаз» (структура ВПК), которое находилось недалеко от станции метро «Сокол». Защищал кандидатскую и докторскую диссертации, получил звание полковника и орден Ленина в возрасте 28 лет. Отец его поддерживал. А на следствии выяснилось: «Вопрос: Расскажите, кто составлял для вас диссертации, за защиту которых вам были присвоены кандидатская, а затем докторская ученые степени? Ответ: О том, что диссертации мне составляются теоретическим отделом СБ-1, знали зам. министра вооружения Рябиков Василий Михайлович, впоследствии начальник 3 главного управления, и

⁵ Привожу эту книгу из-за ее симптоматичности: академик обвиняет власть за репрессии генетики, кибернетики и пр.; но одновременно стремится снять с себя вину за участие в атомном проекте.

Щукин Александр Николаевич – зам. председателя радиолокационного комитета, впоследствии зам. начальника 3 Главного управления. Академик Минц – оппонент по докторской диссертации – знал, что диссертация готовилась в теоретическом отделе СБ-1. Оппонентом также был и Щукин А.Н. – академик. Вопрос: Следовательно, вы защитили кандидатскую, а затем докторскую диссертации, использовав труд коллектива работников теоретического отдела СБ-1, присвоили труд последних. Были ли ранее использованы вами при составлении дипломного проекта, который вы защитили в 1947 году, материалы, составленные Кореневым Г.В., в то время заключенным при 4 спецотделе МВД СССР? Ответ: Я не могу вспомнить, передавал ли мне Кравченко материалы, над которыми работал Коренев. Однако эти материалы не были полностью использованы в моем дипломном проекте. Допускаю возможность, что к дипломному проекту был приложен рисунок из материалов Коренева... По вопросу подготовки диссертации я поступил неправильно» [34, с. 53, 57-58].

Сколько бластных кандидатов, докторов и академиков бродит сегодня по отечественным и закордонным научным и административно-политическим учреждениям? – такой статистики я еще не встречал. Значит, вслед за социальной историей не мешает написать уголовную историю советской науки как один из ярчайших примеров научно-технической контрреволюции. Кто бы за это взялся, с учетом того, что у многих представителей юридического сословия тоже «рыло в пуху»?

Заслуживает обсуждения феномен негласного договора между властью и руководителями научного сообщества, становление социальной фигуры научного администратора как посредника между наукой и властью и проблема создания научных резерваций. Здесь тоже открывается поле для анализа указанных феноменов и их влияния на современную российскую науку.

Террор вначале разрушил систему личных связей между биологами и властью, а вторая мировая война установила систему личных связей между физиками-математиками и различными элементами ВПК. Разрушается ли эта система после 1985 г.? Петербургские коллеги детально описали, как геополитика стала продуктом альянса российско-советской и германо-нацистской науки и власти. В последнее десятилетие геополитика стала интеллектуально-политической модой в России. Здесь подвизаются все, кому не лень - от историков и географов до математиков типа академика Фоменко и его соавтора (фамилии не помню). Даже Президент заговорил о «геополитической катастрофе». Не является ли это свидетельством переплетения всех моделей взаимодействия науки с властью в современной России? Видимо, надо изучать эти трансформации.

Тезис о тождестве советской и нацистской политики в области науки требует переосмысления, поскольку произведен от популярного штампа английской журналистики рубежа 1920-1930-х гг. о сходстве коммунизма и нацизма (см. [12, с. 257–266]). Например, Гитлер считал, что наука (как естествознание, так и философско-гуманитарные исследования) должна быть свободна от государства: «Исследовательская работа должна оставаться свободной и освобожденной от каких-либо ограничений со стороны государства. Факты, которые она устанавливает, представляют истину, а истина никогда не бывает злом. Долг государства – оказывать поддержку и содействовать во всех отношениях усилиям в исследованиях, даже если эти работы не обещают немедленных или даже ранних выгод с материальной или экономической точки зрения. Вполне может случиться так, что эти результаты будут ценны или дадут гигантский прогресс только в будущем поколении... Человек-исследователь по природе должен быть крайне осторожен; он никогда не прекращает работать, размышлять, взвешивать и сомневаться, и его подозрительная натура порождает в нем склонность к одиночеству и самой решительной самокритике... Я не согласен с идеей необходимости ограничить свободу исследований только областями естествознания. Изыскания должны также охватывать сферу мышления и философии, которые, по сути, сами по себе всего лишь логическое продолжение научных исследований. Принимая дан-

ные, предоставленные наукой, и помещая их под микроскоп разума, философия дает нам логическую концепцию вселенной, каковой она является. Граница между исследованиями и философией расплывчата и постоянно перемещается» [35, с. 650–651].

Ничего подобного в текстах Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко, Горбачева и их постсоветских наследников я не встречал. Отсюда не вытекает оправдание Гитлера. А только слабая эвристичность шаблона о тождестве коммунизма и нацизма.

То же самое относится к концептам тоталитаризма и модернизации при объяснении социальной истории советской науки. Петербургские ученые считают, что введение единой идеологии и философии в СССР – главная причина всех последующих коллизий в отношениях между наукой и властью. В ранее опубликованных исследованиях я показал непродуктивность данных концептов при анализе истории советского общества. И обосновал другой тезис: не идеология (поскольку в этом случае воспроизводится неявная посылка о служебном характере любых идей), а связь власти и собственности – конституирующий фактор социальной истории досоветской, советской и постсоветской России, объясняющий все ее драмы и трагедии (см. [14]). Вся идейно-политическая палитра современной России и зарубежных стран уклоняется от обсуждения этой проблемы. Вот о чем стоит поразмыслить.

Между тем петербургские коллеги приходят к выводу: наука развивается одинаково при разных политических режимах. Этот вывод противоречит посылке о существовании науки между коммунизмом, национализмом и либерализмом. С данной посылкой связан ряд дискуссионных следствий (соотношение профессиональной и политической свободы ученых, синхронность и взаимозависимость развития американской и советской науки, специфика ученых наемников и перебежчиков). Я их обсуждать не буду. Но от ремарки не удержусь.

Э.И. Колчинский пишет: «Если самый боевой и талантливый генерал, не поддержанный своим правительством, не нужен никому, то выдающийся ученый чаще всего находит поддержку в других странах» [23, с. 992]. Эта сентенция не подтверждается историческим опытом. Боевые генералы, мамлюки и казаки нужны всем правительствам. Им все равно, кому служить – Москве, туркам или персам. В гражданской войне А.И. Деникин заметил: донские казаки были всегда готовы воспользоваться подачками как белых, так и красных. Н.Махно констатировал: «Донцы – большое дубье в смысле общественности» [20, с. 137] (т.е. отличаются абсолютным безразличием к политике с одновременным боевым профессионализмом). Примерно так же вело себя в гражданской войне большинство ученых. Не вытекает ли отсюда, что социальная история русских ученых может быть сопоставлена с социальной историей казачества? Такая гипотеза позволяет дополнить прежний вывод: ученый всегда стоит перед выбором – быть холопом или казаком. Что лучше или хуже? И как быть с тезисом: политическая свобода ученым не нужна? Зачислять в станичники ученых французов, англичан и американцев? Или поинтересоваться их мнением на этот счет?

Перспективы дискуссии

Вернусь к проблеме: почему ученые поддерживали деспотические режимы? По причине этатизации науки, которая (этатизация) базируется на связи науки с военно-промышленным комплексом. Эта связь распадается на коллаборационизм (т.е. сотрудничество с властью) и сопротивление. М.И. Семиряга подсчитал: число коллаборационистов в странах Европы в период второй мировой войны было примерно таким же, как и число участников Сопротивления. По численности коллаборационистов СССР – чемпион Европы. Особенно податливы на коллаборационизм интеллигенция, промышленные круги, криминальные элементы, авантюристы и карьеристы любой страны. Все они обычно выступают в защиту «профессионализма», который маскирует бытовой, административный, экономический и военно-политический коллабо-

рационализм. Только последний вид коллаборационизма можно квалифицировать как измену родине. При этом важно учитывать различие намерений конкретных граждан (неприятие существующего в стране политического строя) и следствий измены родине.

Главное основание коллаборационизма - степень справедливости данного общественного строя: «Ликвидировать коллаборационизм или, по крайней мере, свести его к минимуму можно лишь при условии, если воин будет считать общественный строй в своей стране справедливым, а его защиту рассматривать как свой первостепенный долг. Это первое условие для устранения коллаборационизма целиком зависит от господствующих политических сил в данной стране» [30, с. 10]. Иначе говоря, предпосылки коллаборационизма складываются внутри, а не вне страны.

Одновременно К.Шлегель показал, как главные партийно-государственные структуры СССР и Германии (Коминтерн, дипломатия, разведка, армия) и политико-идеологические ориентации (подпольная деятельность, публицистика, журналистика, геополитика, историческая наука) в период между первой и второй мировыми войнами накапливали потенциал и формировали «ландштафт предательства» (см. [37]). История советской науки показывает: изменить родине можно, не выходя за пределы Садового кольца...

На протяжении XX в. опасность войны и связанная с ней структура экономических, социальных, политических и идеологических отношений и институтов пронизала все страны Европы. В этой ситуации большинство российских/советских ученых пошли на сотрудничество с властью, уничтожавшей свое население не меньше, чем в войнах с внешним врагом⁶. Поэтому правительства СССР и других социалистических стран были чужими по отношению к своему населению. Наука усиливала эти правительства. Значит, ее судьба сопоставима с судьбой Русской православной церкви, для которой коллаборационизм – самый привычный способ поведения (см. [21]). Проблема смещается к классификации видов коллаборационизма и сопротивления в научном сообществе.

Петербургские ученые собрали материал, который можно использовать при построении такой классификации. Например, если вслед за Э.Нольте считать войну 1939-1945 гг. не второй мировой, а европейской гражданской войной, то поведение ученых от гражданской войны в России до настоящего момента приобретает совершенно новое и актуальное звучание. И выходит за рамки избитого противопоставления тоталитаризма и модернизации.

Комплекс «служения государству» непосредственно связан с настоящим моментом. Главным в предшествующей истории было разрушение: «Фактически, на протяжении человеческой истории случилась колоссальная потеря приобретенного опыта и знаний» [22, с. 19]. Наука участвовала в разрушении. Значит, все модели организации науки (колониально-имперская, революционно-бюрократическая, самодержавно-бюрократическая) являются воплощением научно-технической контрреволюции. В России ситуация обостряется: ни дореволюционный, ни советский опыт, ни заимствование закордонных моделей не помогут в решении проблемы.

Может быть, вернуться к публичному (а не цеховому) обсуждению концепции П.Фейерабенда: науку (вслед за религией) надо отделить от государства? Однако даже классическое требование отделить религию от государства встречает жесткое сопротивление современных православных иерархов. Что же тогда говорить о научных архиереях? Но социальная история науки позволяет уточнить П.Фейерабенда. Сами политические цели науки (обещания ученых создать новые технологии и оружие, обеспечить захват и освоение территорий, рост военного могущества, международного влияния, финансово-экономическое процветание, разрешение социально-полити-

⁶ В СССР было уничтожено 20 млн., в Китае 65 млн., в Северной Корее 2 млн., во Вьетнаме 1 млн., в Камбодже 2 млн., в Восточной Европе 1 млн., в Латинской Америке 150 тыс., в Африке 1,7 млн., в Афганистане 1,5 млн., в мировом коммунистическом движении 10 тыс. человек. См.: [8, с. 37].

ческих конфликтов) относятся к научно-политической риторике. Она устарела (могу привести множество примеров), не подтверждается эмпирически (многочисленные институты мира и разрешения конфликтов нисколько не уменьшили число конфликтов во второй половине XX века) и требует пересмотра.

М.К. Петров отстаивал принципиальную противоположность науки и политики, познания и управления. По принципу контраста с советской наукой и использованием его идей нетрудно построить идеальный тип научной политики: разорвать связь верхушки научного сообщества с аппаратом контроля над наукой; исключить подчинение научной политики приоритетам государственного аппарата; исключить централизм и иерархию в научных учреждениях; конкуренцию групп внутри научных дисциплин заменить сотрудничеством; исключить административный контроль над планами научных исследований, институциональной структурой, назначением на должности и международными связями; исключить все перечисленные виды риторики при взаимодействии научного сообщества и власти; общественный престиж науки и привилегии ученых могут устанавливаться только на основе многообразия видов равенства (см. [13]). По сути дела, речь идет о восстановлении всей системы разрушенных социальных связей науки с обществом. Прежде всего – о долге прощания с советской системой.

Приведу один пример. В СССР доступ к «кремлевской вертушке» означал политическую силу, социальный престиж и материальное процветание. Сегодня мобильник – элемент быта. На фоне каждого телефонного болтуна и рекламного клипа маячит советский чиновник со всеми его социальными конотациями. Но институты производства и рекламы всяких «телекомов» обходят это «бревно в глазу». Значит, переплетение рынка с советским наследством обеспечивает воспроизводство технократического и утилитарного видения мира в сфере, так сказать, интимной свободы потребления и болтовни, а не только высоких сфер научной политики.

Как разорвать связь науки с военно-промышленным комплексом? Ведь целые поколения российских и закордонных ученых воспитаны в другой парадигме. А вся система научных и политических институтов современной России устроена совсем не для снижения «цены убеждений» (если использовать метафору Д. Норта). По крайней мере, все идеи Петрова нашли эмпирическое подтверждение в капитальном труде петербургских ученых. Значит, идеи Михаила Константиновича надо превратить в Библию светской культуры. И преподавать в школах вместо Основ православной культуры.

Кроме того, их можно использовать для анализа современной российской науки. В том числе сходства и различия социальной истории русского православия и русской науки – от математики до философии. Надо описать политико-административные и идеологические группировки, роль геронтократии, современные формы проявления конфликта научных школ Москвы и Петербурга, центра и провинции, научно-административные клики, кланы и команды во всем комплексе научных дисциплин, формы воспроизводства «вотчинной системы» в науке и образовании России. Это поможет уточнить тезис о соотношении профессиональной и политической свободы в современном научном сообществе.

Петров считал, что есть два абсолюта – младенец и глобальный феномен науки. Биокод младенца – величина постоянная. Она эманурует человекообразность на все исторические события. Пресечение потока младенцев в ядерной катастрофе отменяет человеческую историю и науку. Упразднение глобального феномена науки в законах (инструкциях) государства вернет человечество на этап истории, на котором не было науки (см. [27, с. 175–176]).

Смысл жизни человека как естественного, социального и разумного существа – мир знаков и форм общения (языков науки). Главные цели человечества – защита обеих абсолютов от угроз. Генетическая инженерия определяет «талант» как набор врожденных способностей. Но это невозможно без атрибута всеведения, которым

никто обладать не может. Главная угроза глобальному феномену науки – прогрессирующий моноглоитизм ученых и государственный протекционизм. Большинство осознает баланс блага-зла в пользу блага. При этом зло рассматривается как продукт несовершенства умов и инстанций, которые не свободны от заинтересованности, субъективности и ценностей. Но ни один государственный деятель не имел до сих пор представления о безлаговой модели науки и онаучивания общества: все участники решения проблемы понимают языки друг друга; сразу после публикации узнают о ее появлении и содержании; свободная миграция таланта; рост группы участников решения за счет новобранцев. Эта модель задает абсолютные критерии добра и зла: рост лагов – зло, сокращение – добро [27, с. 178–181].

Для борьбы с указанными тенденциями Петров предлагал:

Создать нормативный учебник естественных языков для подключения к глобальному феномену науки всех взрослеющих индивидов. Такой учебник – противоядие от линейной психологической установки и связанной с ней склонности к знаковому фетишизму. Страт Греко-латинской лексики – это интегрирующее ядро интернационального потока научных публикаций. На четыре языка науки приходится 95-99% мирового научного продукта. Поэтому их знание – необходимый минимум. Полиглот-для-науки должен знать шесть языков. Каждое описание предметного мира и его отражение в языке теории дает шесть вариантов. Универсальная модель языка-системы постоянно будет учить искусству перевода на родной язык специфики иных ходов мысли. Поэтому надо абстрагироваться от родного языка и не приписывать ему роль медиума [27, с. 133–135].

Создать учебник-терминал – сумму общих сведений о глобальном феномене науки, истории, самоорганизации и самоинституционализации, роли в уподоблении национальных Т-континуумов, интернациональном потоке публикаций и описание переднего края науки. Учредить постоянную службу учебника-терминала на государственном уровне.

В зависимости от способности государства решить указанные проблемы Петров определял патриотизм как отказ от экстенсивной и переход на интенсивную модель науки. Страна, которая первой возьмется решать эту задачу, получит преимущество перед всеми остальными. Система образования – это часть приложения результатов для развития и совершенствования врожденных ментальных способностей человечества. Интенсивная модель онаучивания общества нужна ради сохранения и укрепления ментального единства человечества [27, с. 211–212].

Но свободны ли ученые, если они используют указанные модели или их комбинацию в своем поведении? Поставлю вопрос перед читателем.

Тезисы

Введение.

– Идея несовместимости социальных структур, науки и государства. Функция науки – генерирование нестабильности во все элементы социальной структуры. Однако социальные организмы воплощают иронию истории.

Например, общество воспитывает человека в традиции нерассуждающего уважения к должности: «Бессмертная социальная структура мыслится «социоценозом», штатным расписанием бессмертных должностей, а свобода человека становится в этом случае осознанной необходимостью выбора одной из наличных должностей, сознательного уподобления-соответствия должности» [26, с. 207]. Надо изучать центробежные силы, которые не дают обществу застыть, вызывают социальную неопределенность, и критически оценить ее субстрат. Государство финансирует науку, а с нею и нестабильность. Государство стало «орудием организованной дезорганизации», с которой оно же само борется.

– Обоснование модели нестабильности: отрицание стабильности; учет революционного характера социально-экономических трансформаций; отрицание стихийных проявлений нестабильности; объяснение смысла и генезиса основных постулатов научного мышления. Одновременно он предсказывал: «Чтобы раз и навсегда избавиться от нестабильности, достаточно сократить финансирование науки и подготовку кадров. К тому же результату может привести и требование тесной связи с производством, участия науки в рационализации существующих технологий. В современном мире оба направления были бы формами самоубийства по неведению» [26, с. 209]. Я кратко рассмотрю следующие темы: предпосылки суицида; трагедия науки и сдвиг ракурса; комплекс служения государству: холопы и космисты; предметы раздумья; перспективы дискуссии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург В.Л. О науке, о себе и о других. Изд.3. М., Физматлит, 2004.
2. Дубровин В.Н., Ерыгин А.Н., Тищенко Ю.Р. Культура и философия, наука и образование: теоретико-методологические новации М.К.Петрова // М.К.Петров. Избранные труды по теоретической и прикладной регионалистике. Ростов-н/Д, Изд. СКНЦ ВШ, 2003
3. Дубровин В.Н., Тищенко Ю.Р. М.К. Петров – философ и социолог науки // М.К. Петров. Философские проблемы «науки о науке. Предмет социологии науки. М., РОССПЭН, 2006.
4. Дубровин В.Н., Тищенко Ю.Р. Судьба философа в интерьере эпохи // М.К.Петров. Историко-философские исследования. М., РОССПЭН, 1996.
5. Игнатъев А.А. Ценности науки и традиционное общество: социокультурные предпосылки радикального политического дискурса // Вопросы философии. 1991, № 4.
6. И.П. Павлов: pro et contra. СПб., Изд. Русского Христианского гуманитарного института. 1999.
7. Константинов М.С. Институциональный подход в политической философии М.К. Петрова. Автореф. дисс. канд. полит. наук. Ростов-н/Д, 2006.
8. Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л. Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. М., 1999.
9. Левинсон А. Опыт социографии. Статьи. М., Новое литературное обозрение, 2004.
10. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., «Владимир Даль», 2004.
11. Макаренко В.П. Наука и власть: контекст социальной истории науки // Логос. 2005, № 6.
12. Макаренко В.П. Политическая концептология: обзор повестки дня. М., Праксис, 2005.
13. Макаренко В.П. Равенство: логико-методологический анализ // Общество и экономика. 2003, № 11.
14. Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, Изд. СКНЦ ВШ, 1998.
15. Макаренко В.П. Социокультурный фон исследований М.К.Петрова: проблема освоения и разработки (http://anthropology.ru/ru/texts/makarenko_vp/modphil02_42.html).
16. Макаренко В.П. Этатизация науки: советский опыт // Правоведение. 2006, № 2.
17. Маккензи У. Секретная история УСО: управление специальных операций в 1940-1945 гг. М., Транзиткнига, 2004.
18. Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т.1, М., Новое литературное обозрение, 2004.
19. Маслин М.А. О единстве русской философии (<http://rchgi.spb.ru/seminars/seminar-10.htm>).

20. *Махно Н.* Азбука анархиста. М., Вагриус, 2005.
21. *Митрохин Н.* Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М., Новое литературное обозрение, 2004.
22. *Морен Э.* Принципы познания сложного в науке XXI века // Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире. Отв. ред. Удумян Н.К. –М., Наука, 2004.
23. Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. Редактор-составитель Э.И. Колчинский. СПб., «Дмитрий Буланин», 2003.
24. *Неретина С.С.* Михаил Константинович Петров. Жизнь и творчество. М., УРСС, 1999.
25. *Петров М.К.* Научно-техническая революция и философия // М.К. Петров. Историко-философские исследования. М., РОССПЭН, 1996.
26. *Петров М.К.* Самосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону, изд. РГУ, 1992.
27. *Петров М.К.* Социально-культурные основания развития современной науки. М., 1992.
28. *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря в двух томах. Т.1. 1883–1886. М., Центрполиграф, 2005.
29. *Райан В.Ф.* Баня в полночь: исторический обзор магии и гаданий в России. М., Новое литературное обозрение, 2006.
30. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. М., РОССПЭН, 2000.
31. *Серационова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890-1937 годы. М., Наука, 2006.
32. *Скоропадский П.* Воспоминания: конец 1917-декабрь 1918. Киев-Филадельфия, 1995.
33. Специальная тема номера: Уроки Гумилева: блеск и нищета теории этногенеза // Этнографическое обозрение. 2006, № 3.
34. *Сухомлинова А.* Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М., Детектив-Пресс, 2004.
35. *Тревор-Ропер Х.* Застольные беседы Гитлера. 1941-1944. М., Центрполиграф, 2004.
36. *Хелли Р.* Холопство в России. 1450–1725. М., 1998.
37. *Шлегель К.* Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919–1945). М., Новое литературное обозрение, 2004.
38. *Щедровицкий П.Г.* Русский мир: восстановление контекста (<http://www.povestka.ru/shkr/text/18.stm>).
39. *Юдин Б.Г.* От утопии к науке: конструирование человека // Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире. Отв. ред. Удумян Н.К. М., Наука, 2004.